

Предисловие (ко второму тому американского издания)

(Второй том, как объяснено в этом предисловии, был выпущен под названием «Мое дальнейшее разочарование в России». Это предисловие напечатано, чтобы избежать путаницы из-за различий в публикации американских и английских редакций книги.)

Литературным анналам известны случаи книг подвергнутых чистке, выкинутых целых глав или измененных из-за их неприятия. Но я уверена, что редко случается так, что книга была бы опубликована лишь более чем на треть и при этом, чтобы рецензенты не осознавали данный факт. Подобным сомнительным знаком отличия была удостоена моя книга о России.

Истории этого болезненного опыта можно было посвятить отдельную главу, но на этот раз достаточно изложить голые факты в следующем виде.

Моя рукопись была послана первоначальному покупателю в двух частях, в разное время. Впоследствии издательство Doubleday, Page Co. купило право на мою работу, но когда первые отпечатанные копии дошли до меня, в смятении я обнаружила, что не только оригинальное название, «Мои два года в России» быть изменено на «Мое разочарование в России», но и что последние двенадцать глав полностью пропущены, включая мое послесловие, которое, по крайней мере для меня, наиболее живая часть.

В результате последовавшего обмена телеграммами и письмами постепенно выяснилось, что издательство Doubleday, Page Co. получило мою рукопись из литературного агентства в полной уверенности, что она является полной. Так и неизвестно, что случилось со второй частью моей книги: или она не дошла до первоначального покупателя или же затерялась в его офисе. Так или иначе, но книга была опубликована без каких-либо подозрений на её незавершённость.

Настоящая книга содержит главы, пропущенные в первом американском издании, и я глубоко ценю преданность моих друзей, благодаря которым стало возможно появление тома с пропущенными главами в Америке и полного издания книги в Англии – воздавая должное и мне и моим читателям.

Приключения моей рукописи имеют и забавную сторону, которая бросает специфический свет на ее критиков. Из почти сотни рецензентов на мою книгу в Америке лишь только двое почувствовали её не завершенность. И, случайно один из них – не профессиональный

критик, а библиотекарь. Пожалуй, это отражение профессиональной проницательности или добросовестности.

Было бы пустой тратой времени обращать внимание на «критику» тех, кто или не читал книгу, или кому не достало ума понять, что книга издана незаконченной. Из всех представленных обзоров лишь два заслуживают внимание, как написанные серьезными и способными людьми.

Один из них считал, что опубликованное название моей книги было более подходящим своему содержанию, чем то название, которое выбрала я. Мое разочарование, утверждал он, — не только в большевиках, но в самой революции. В поддержку своей точки зрения он приводит утверждение Бухарина о том, что «революция не может быть выполнена без террора, разрухи, и даже бессмысленного уничтожения, потому как омлет нельзя приготовить, не разбив яйца.» Но, кажется, моему критику не приходит на ум, что разбить яйца всё же необходимо, но никакой омлет не может быть приготовлен, если выброшен желток. И это как раз то, как Коммунистическая партия совершила Русскую революцию. Желток они заменили «большевизмом», точнее говоря, «ленинизмом», результат чего показан в моей книге – результат, который постепенно осознается как полный провал в мировом масштабе.

Рецензент также представляет, что было «суровой необходимостью, управление нуждалось не в сохранении Революции, а в сохранении остатков цивилизации, что вынуждало большевиков использовать любое доступное оружие – террор, ЧК, подавление свободы слова и прессы, цензуру, воинскую повинность, трудовую повинность, реквизиции посевов крестьян, сплошное взяточничество и коррупцию». Он очевидно соглашается со мной, что коммунисты применяли все эти методы и что, как он сам утверждает, «средства в значительной степени предопределили итог» – доказательства и представление всего этого содержатся в моей книге. Единственной ошибкой этой точки зрения, тем не менее – наиболее живой, является предположение, что большевики были вынуждены прибегать к перечисленным методам, для того, чтобы «сохранять остатки цивилизации». Такой взгляд основан на полном заблуждении относительно философии и практики большевизма. Ничто не может быть дальше от желаний или намерений ленинизма чем «сохранение остатков цивилизации». Если бы вместо этого критик бы написал «сохранение коммунистической диктатуры, политического абсолютизма Партии», он был бы близок к истине, и у нас не было бы не спора на эту тему. Мы не должны не учитывать то, что большевики продолжают применять точно те же методы и по сей день – также как они это делали в «моменты крайней необходимости» (по словам рецензента) – в 1919-м, 1920-м, и 1921-м.

Сейчас же 1925 год. Военные фронты давно ликвидированы; внутренняя контрреволюция подавлена; старая буржуазия устранена; «моменты суровой необходимости» – в прошлом. Фактически, Россия политически признается различными правительствами Европы и Азии, и большевики приглашают международный капитал для притока в свою страну, природное богатство которой, как Чичерин уверяет мировых капиталистов, — «ждет чтобы его начали эксплуатировать.» «Моменты суровой необходимости» ушли, но террор, ЧК, подавление свободы слова и прессы, и все другие методы коммунистов прежних лет все еще остаются в силе. На самом деле, они применяются еще более жестоко и варварски, начиная со смерти

Ленина. Это должно «сохранить остатки цивилизации» или усиливать слабеющую партийную диктатуру?

Мой критик далее обвинял меня в вере в то, что если бы «русские совершили бы революцию по Бакунину, а не по Марксу», то результат был бы другим и более достойным. Я признаю себя виновной в обвинении. Да, я не только предполагаю, но я уверена в этом. Русская Революция, точнее большевистские методы, окончательно продемонстрировали, как революция не должна быть совершена. Российский эксперимент доказал обреченность политической партии, узурпирующей функции революционного народа, всемогущего государства, стремящегося навязать свою волю стране, диктатуры, пытающейся «организовывать» новую жизнь. Но я не должна повторить здесь мысли, которыми подвожу итог в заключительной главе моей книги.

Второй критик уверен, что я «предвзятый свидетель», потому что я, как анархист, настроена против правительства, безотносительно его форм. Вся целая первая часть моей книги полностью опровергает предположение о таком моем предубеждении. Я защищала большевиков и тогда, когда я еще находилась в Америке, и в течение долгих месяцев в России я искала любую возможность сотрудничать с ними и помочь в большой задаче революционного строительства. Хотя анархисты и настроены против правительств, я приехала в Россию, ожидая найти мой идеал осуществленным. Я видела в большевиках символ Революции, и я стремилась работать с ними, несмотря на наши различия. Однако, если недостаточная отчужденность от жизненных реальностей означает, что нельзя судить вещи справедливо, тогда мой критик прав. Возможно ли пережить два года коммунистического террора, режима, включающего в себя порабощение целого народа, уничтожение основополагающих ценностей, человеческих и революционных, коррупцию и бестолковое руководство и остаться при этом отчужденным или «беспристрастным» по словам критика. Я сомневаюсь, остался бы таким последний, хоть он и не анархист. Остался бы, будучи человеком?

И в заключение: данная публикация глав, отсутствующих в первом издании, происходит в очень существенный период в жизни России. Когда «НЭП», новая экономическая политика Ленина, была введена, там усилились надежды на лучшие времена, на постепенную отмену политики террора и преследования. Коммунистическая диктатура казалась склонной ослабить удушение мысли и жизни людей. Но надежда была недолгой. Начиная со смерти Ленина, большевики вернулись к террору худших дней их режима. Деспотизм, боящийся за свою власть, ищет безопасность в кровопролитии. Моя книга сегодня столь же своевременна, как и в 1922-м.

Когда первая серия моих статей о России появилась в 1922 году, и позже, когда моя книга была издана в Америке, я подверглась резким нападкам и опровержениям американских радикалов практически из любого лагеря. Но я чувствовала себя уверенной в том, что настанет время, когда маска была бы сорвана с фальшивого лица большевизма и великое заблуждение будет разоблачено. Это время настало еще скорее, чем я ожидала. В большинстве цивилизованных стран – во Франции, Англии, Германии, в скандинавских и латиноамериканских странах, даже в Америке постепенно спадает пелена слепой веры. Реакционный характер большевистского режима осознается массами через его терроризм и

преследования некоммунистического критического мнения. Мучения политических жертв диктатуры в тюрьмах России, в концентрационных лагерях крайнего Севера и в сибирской ссылке, пробуждают совесть наиболее прогрессивных элементов во всем мире. Почти во всех странах были созданы общества защиты и помощи политзаключенным России с целью обеспечения их освобождения и установления свободы мнения и выражения в России.

Если моя работа поможет в этих попытках пролить свет на действительное состояние дел в России и пробудить мир к осознанию истинного характера большевизма, и к гибели диктатуры – будь то фашистской или коммунистической – я буду хладнокровно терпеть все недоразумения и искажения от противников или друзей. И я не буду сожалеть о тяжелом труде и духовной борьбе, которые произвели эту работу, которая теперь, после многих превратностей, наконец напечатана в полном объеме.

Эмма Гольдман

Август 1925.

Версия #1
[redacted] [redacted] создал 11 апреля 2025 11:17:37
[redacted] [redacted] обновил 11 апреля 2025 11:18:52